

Глава 6

Гу Хунсюань и сам не понимал, какого черта последние два дня он творит все эти безумства. Он угодил в этот мир совершенно внезапно, при самых загадочных обстоятельствах, но то, как он вел себя после перемещения, поражало его самого.

В прошлой жизни он никогда не отличался трудолюбием или выносливостью, однако вчера работал так, словно от этого зависела его жизнь. Да и смельчаком он никогда не был, но в этом чужом, пугающем городе — едва справившись с паникой первого дня — он безрассудно метался по улицам, следуя за какими-то незнакомцами...

Оказавшись у ворот Оммёдо, Хунсюань даже не разбирал слов, что бормотал провожатый. Он брёл следом за ним, словно бесплотный призрак, и когда они приблизились к длинному зданию, больше всего похожему на ученическое общежитие, в его груди с новой силой заклокотала неведомая тоска.

— Эй, постой! Ты ведь еще не зачислен. Там дальше — кельи послушников, — окликнул его провожатый и, поспешно ухватив Хунсюаня за плечо, потянул назад. — Туда тебе нельзя.

Хунсюань застыл. В ту же секунду волна невыносимого, удушающего горя нахлынула на него, и он, не выдержав, разрыдался в голос.

— Да что с тобой? Ты чего? — растерялся юноша, неуклюже пытаясь его успокоить. — Не надо, ну же, перестань плакать! Если мастера увидят тебя в таком состоянии, они живо выставят тебя за ворота.

— Про... простите... — Хунсюань судорожно хрипел, содрогаясь от рыданий. — Я просто...

— Ступай, я сам им займусь. Возвращайся к воротам и закончи уборку, — раздался спокойный голос. Из-за угла дома вышел мужчина в ярко-желтом охотничьем облачении — каригину. — Иди, а этого мальчика я сам отведу к зрителям.

— Да, господин! — послушник поспешно согнулся в глубоком поклоне. — Простите мою непочтительность, мастер Дорё!

Юноша торопливо развернулся и припустил прочь по дорожке.

— Про... простите... — Хунсюань едва не задыхался от слез. Не смея приблизиться к незнакомому оммёдзи, он лишь исступленно тер лицо рукавом. — Я не...

— Не нужно извиняться. Ступай за мной, — мягко улыбнулся мастер Дорё, шурша шелком желтого каригину. — Мне говорили о тебе. Ты ведь младший брат Фурукавы-куна?

— Д-да... — выдохнул он.

Имя погибшего брата раскаленным клинком вонзилось в самую душу Хунсюаня. В глазах мгновенно потемнело, сознание не выдержало напора чужого, пожирающего горя, и мальчик без чувств рухнул на землю.

Последним, что донеслось до него сквозь подступающий мрак, был встревоженный голос оммёдзи:

— Эй! Что с тобой?!

— Брат Дорё, кто это с вами?

Камо Сакуя как раз заканчивала утреннее чтение сутр, когда на пороге появился её старший соученик. Увидев у него на руках маленького ребенка, она удивленно округлила глаза.

— А, Сакуя. Это тот самый мальчик, о котором ты упоминала вчера. Младший брат покойного Фурукавы, — Дорё без особого труда перешагнул через порог — ребенок оказался на удивление легким, почти невесомым — и бережно опустил его на циновку-татами. — Бедное дитя. Судя по его виду, последние дни дались ему нелегко.

— Младший брат?.. — Сакуя поспешно поднялась с колен и подошла ближе, вглядываясь в бледное, исхудавшее личико мальчика. — Кажется, его зовут Кэн. Несчастливая кроха...

— Сакуя, послушай, — Дорё вздохнул, и его голос посуровел, хотя во взгляде по-прежнему читалась жалость. — Твой Фурукава был способным малым, спору нет. Но мы понятия не имеем, унаследовал ли этот ребенок хоть каплю его дара. К тому же Фурукава так и не успел стать официальным учеником нашего наставника. Мы можем немного помочь сироте, но не бери на себя слишком много. Не переступай черту.

— Я все понимаю, брат Дорё. Спасибо тебе, — Сакуя почтительно поклонилась, провожая старшего соученика взглядом.

Накануне Сакуя получила тайное послание от самого Абэ-но Сэймэя. Великий оммёдзи сообщал, что у младшего из рода Фурукава обнаружился магический потенциал, и советовал похлопотать перед помощником главы Оммёдо о зачислении сироты на обучение.

В ведомстве Оммёдо из-за недавней трагедии отчаянно не хватало людей, поэтому чиновники, едва завидев рекомендацию от столь влиятельной особы, не стали чинить препятствий и сразу дали добро.

Сакуя тихо вздохнула, отгоняя лишние мысли. Она намочила в тазу чистую ткань и ласково обтерла осунувшееся лицо мальчика, стирая следы грязи и слез.

«Как же сильно он похож на покойного брата... Действительно, одна кровь»

Покачив головой, она вернулась к низкому столику и вновь принялась за прерванное переписывание священных текстов.

Сон Хунсюаня, скованный беспамятством, оказался зыбким и полным кошмаров. В вязкой, беспросветной тьме метались уродливые призрачные тени, сдавливая грудь и не давая вздохнуть. Но вдруг среди этого хаоса возник силуэт. Перед Хунсюанем стоял мальчик — точная копия его нынешнего тела.

Хунсюань замер, растерянно протягивая к нему руку. Он сделал шаг навстречу, но двойник неожиданно замер, отвесил ему глубокий, церемонный поклон, а затем резко, со всей силы толкнул его в грудь.

— Эй, стой! — закричал Хунсюань.

Воздух со свистом вырвался из легких, его тело отлетело назад, увлекая его в стремительное падение. В последний миг он успел заметить, как призрак мальчика помахал ему на прощание, взял за руку кого-то, невидимого во тьме, и они вместе ушли в непроглядный мрак, растворяясь навсегда.

Сознание возвращалось медленно, волнами. Страхивая остатки забытья, Хунсюань вдруг с кристальной ясностью осознал, что только что произошло. Это был прежний владелец тела — настоящий Кэн. Осколки чужой памяти, омытые прощальным жестом ушедшей души, окончательно встали на свои места, складываясь в единую картину.

«Теперь... я и есть Фурукава Кэн»

— Ты пришел в себя? — тихо спросила Сакуя. Она как раз закончила утреннее служение и, заметив, что мальчик шевелит губами, словно шепча заклинание, ласково склонилась над ним.

— П-простите! — испуганно вскинулся Кэн, торопливо принимая положенную позу сэйдза на татами.

— Ну полно тебе, — Сакуя ласково погладила его по голове, успокаивая растрепавшиеся вихры. — Раз уж ты проснулся, давай собираться. Нам нужно сходить в канцелярию и уладить все дела с твоим зачислением. Я верю, что ты сумеешь продолжить дело своего брата и станешь великим оммёдзи.

— Спасибо вам... госпожа оммёдзи! — Кэн поспешно утер набежавшие слезы, не смея поднять

глаз.

Душа прежнего хозяина обрела покой и покинула этот мир, но оставленное ею эхо невыносимой скорби все еще тяжело давило на сердце новоявленного Фурукавы Кэна.

Сакуя протянула ему белоснежный платок.

— Вытри лицо. Нам пора.

— Да, — Кэн шмыгнул носом, наскоро привел себя в порядок и со смущением вернул платок.

Сакуя лишь тепло улыбнулась. Она сполоснула ткань в тазу с водой и повела заплаканного, шмыгающего носом мальчика по длинным деревянным галереям к покоям помощника главы ведомства.

Оммё-рё — Ведомство Инь-Ян — жило своей размеренной и таинственной жизнью. Здесь обитали не только заклинатели-оммёдзи, но и мастера астрономии, составители календарей и хранители водяных часов. Каждая школа носила свои особые одежды, но в будние дни все они предпочитали скромные, неброские каригину и свободные куртки-суикан неярких, приглушенных тонов.

На их фоне его провожатая выглядела невероятно величественно. Кэн до сих пор не знал её имени, но не мог отвести взгляда от её яркого одеяния. Она, как и мастер Дорё, носила каригину вызывающе-солнечного, желтого цвета, под которым виднелись строгое черное кимоно и широкие штаны-хакáма.

— Мы пришли. Это канцелярия, — Сакуя обернулась и ободряюще кивнула ему. — Иди за мной.

Кэн поспешно шагнул вслед за ней в прохладную глубину залы. Но стоило ему поднять глаза на восседавшего за столом чиновника в темном официальном облачении, как у него перехватило дыхание. За спиной мужчины, лениво покачиваясь в воздухе, парила жуткая, уродливая тварь с оскаленной пастью — самый настоящий свирепый они!

Заметив, как побледнел мальчик и расширился его взгляд, помощник главы Оммёдо удовлетворенно усмехнулся. Ему не нужны были лишние расспросы: реакция ребенка выдавала его с головой. Он видел скрытое — а значит, обладал редким даром духовного зрения.

— Способность видеть призраков налицо, и весьма недурная, — проговорил чиновник, легким взмахом руки отсылая своего шикигáми обратно в небытие. — Что ж, парень. Ты принят.